

Живет в Севастополе (Крым). Визитная карточка участника.

* * *

когда змеится вверх ночная автострада,
и редких фонарей свет нестерпимо бел,
я думаю о том, что думать мне не надо...
не надо – о тебе.
не потому что мы не поняли друг друга,
и поздно понимать – и время – колесом,
а потому что мысль бежит, бежит по кругу
и замирает здесь – над ялтинским кольцом,
где за полночь давно, но не приходит утро,
и все дороги – врозь, и все ведут не к нам.

и так становится темно и бесприютно,
как только псам бродячим
и брошенным домам.

* * *

в рейсовом катере женщин толпа –
стоя, сидя.
необъятных, худых, низкорослых и
волейболисток.
старых, юных.

маленьких женщин, что ещё вместо «р»
«л» говорят.

а мужчин — их негусто. один — молчаливый, невзрачный .
мир, он всё-таки женский — босоножек в песке и малины,
раскишей в корзине,
и лаванды от влажных волос
несгибаемый дух.

женский мир уместается в рыхлое, душное
задушевное чрево [кита] катерка.
что, Иона, притих, на колени беспомощно руки сложив?
хоть одно своё ветхое слово промолви.

за разговорами женщин неслышно почти —
боязливое брюхо втянув,
катерок проплывает над бомбой глубинной,
дремлющей в бухте с начала войны.

мир — он женский — навзрыд, на разрыв и насквозь,
с окончанием любого на «а»

даже слово война
сумасшедшая женского рода
визгливая баба в браслетах из кровоточащих кораллов
рядом девушка в кофточке белой
с биноклем в руках.

* * *

... об одном я сейчас жалею:
тебя оставляя в прошлом,
уносясь по аллее с листвой запыленной,
не вернулась рассказать — увидела сороку
необычного цвета,
такого, как если долго
смотреть сквозь слёзы на пламя
крымской ночью —
глубокой, беззвучной, что иссохший колодец,
и, прикрыв воспалённые веки,
видеть — мечется хвост сорочий
огненный
среди обугленных веток.

после,

жизнь подавала щедро
рыже-алое слёзное горе и счастье,
но сороку такого цвета
больше я не встречала.

так хочу о ней рассказать тебе...

хоть опять возвращайся.

